

Юрий Николаев

ПЛЕМЯ

Юрий Николаев

Племя

«Автор»

2026

Николаев Ю.

Племя / Ю. Николаев — «Автор», 2026

В племени при весьма странных обстоятельствах находят убитым вождя. Подозрение падает на молодую девушку, у которой есть мотив и косвенные улики. Её изгоняют из племени, что является самым суровым наказанием. После долгих дней изнурительных скитаний, едва уцелев, она встречает загадочного юношу и между ними вспыхивает искра взаимных чувств. Но девушка даже не подозревает, кем на самом деле является её избранник...

© Николаев Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юрий Николаев

Племя

Глава

Юрий Николаев

Племя

Роман

Что не убивает нас, делает нас сильнее.
Нищие

Пролог

Дион никогда не чувствовал себя слабаком, даже наоборот. Он считал, что просто для его возможностей ещё не нашлось достойного применения.

Даже в далёком детстве он старался выделиться среди своих ровесников: силой, ловкостью, сообразительностью.

Их племя было не таким большим, чтобы у Диона нашлось много соперников в состязаниях. В основном он любил устраивать поединки с Тиссом и Олби. Первый был даже на полголовы выше Диона, но его подводила худощавость. Олби, наоборот, был тяжеловат для борьбы, быстро уставал и под каким-нибудь предлогом сдавался.

Сколько Дион себя помнит, их племя кочевало с места на место. Иногда причинами этого были природные катаклизмы, но чаще на новые земли их вела беспокойная натура вождя.

Вождь Урри был неуёмным скептиком. Соплеменники принимали его скептицизм за мудрость, а Урри был обычным пессимистом, подобно ребёнку-нытику.

Как только они оседали на новом месте, вождь начинал копить причины не оставаться здесь надолго и, тем более, навсегда. Трава была для него не совсем мягкой и зелёной, деревья – недостаточно стройными и плодоносящими, живность – труднодоступной. Самое большее время, которое племя могло жить в одном месте, – количество лун, равное количеству пальцев одной руки.

«Вождю виднее!» — вздыхали соплеменники и собирались в новый поход.

Такая походная жизнь не благоприятствовала ни комфортным отношениям среди членов рода, ни их достатку.

Когда Дион подрос, он понял, что всё вокруг примерно одинаково и что любитель путешествий Урри глуп как деревяшка. Он поделился своей мыслью с друзьями. Те сначала посмотрели на Диона как на чудовище и даже хотели пожаловаться вождю. Но Дион пообещал им сногшибательную идею взамен, и любопытным друзьям пришлось согласиться с его нигилизмом.

— Я предлагаю сбежать из племени! — сказал Дион.

Тисс распахнул глаза и рот, да так и замер, медленно переваривая услышанное. Для него это было равносильно предложению: «А давайте солнце повернём вспять!»

Олби повёл себя по-иному: ему никогда не хватало возможностей доказать свою мужественность.

— Я согласен! — небрежно сказал Олби. — Я и сам иногда об этом подумывал. Услышав это, Тисс ещё больше открыл рот.

— Насовсем сбежать? — сглотнув слюну пересохшим горлом, спросил он.

— Нет, до утра! — поёрничал Дион. — Конечно, насовсем! В этом и смысл побега! Понимаешь?

— Да... то есть нет! Дион, это же наше племя, наша семья! Как можно всех бросить?! Да моя мать умрёт с горя!

— У тебя есть выбор, — холодно ответил Дион, удовлетворённый тем, что хотя бы Олби на его стороне, — можешь оставаться.

— А ты возьми её с собой! — пошутил Олби.

Уязвлённый Тисс вынужден был согласиться.

Друзья стали обдумывать план сепарации. И чем больше они думали, тем больше приходили к выводу, что их слишком мало для создания своего самостоятельного племени.

Аккуратно переговорив с другими юными соплеменниками, они привлекли на свою сторону ещё несколько человек: малыша Конти – тихого, малоподвижного парня; Вито – прямого внука вождя; Арчи – не по годам смышлёного юношу; и двух девчонок – смешливую, распушенную Радо и молчаливую, но умную Айрис.

Радо была тайно и безответно влюблена в Диона и решила на побег только из-за него, чтобы всегда быть рядом и доказывать свою любовь.

Айрис же была её подругой, и оставаться одной со стариками и взрослыми дядьками в племени ей не хотелось. Она нравилась Диону, хоть он и боялся себе, а тем более, ей признаться в этом.

Так появилось новое племя, вождём которого безоговорочно стал Дион.

Они были примерно одного возраста; это и отличало их от традиционного племени. Иерархией тут и не пахло, все чувствовали себя равными, следовательно, каждый был сам по себе и лишь иногда прислушивался к мнению Диона.

Когда они хотели есть – просто шли и добывали еду. Когда хотели спать – падали на траву и спали сколько влезет. Пока снова не урчало в желудках.

Поначалу такой образ жизни им безумно нравился: никто не понукал ими, никто не говорил, кому что делать, и никто не критиковал.

— Нам надо найти приличную пещеру! В шалашах – промокаем, в землянках – мёрзнем, — сказал как-то Дион.

Они сидели на берегу ручья и кидали гальку в воду.

— Где её найдёшь?.. — проворчал Вито. Он был в деда и пессимизм был в его крови с рождения.

— Все пещеры заняты, — добавил Тисс в надежде, что Дион передумает и они вернутся обратно, — или пещерными медведями, или другими племенами.

Помолчали.

— Пещеру можно просто у кого-нибудь отобрать! — предложил Арчи.

— Как это? — не понял тугодум Олби. — Ты дурак, что ли, Арчи? Нас или съедят, или перебьют, как блох!

— Молодец, Арчи! — подумав, одобрил Дион и зевнул. — Так и сделаем. — Он швырнул свой камешек дальше всех, тем самым доказав своё преимущество.

К этому разговору больше не возвращались.

Они продолжали жить как жили, проводя день за днём в поиске четвероногой дичи и добыче рыбы. Айрис и Радо поддерживали костёр, готовили еду, учились выделывать шкуры и шили из них одежду для своих парней, плели корзины и бродили по окрестностям в поисках дикоросов.

Радо, разочаровавшись в холодном Дионе, перекинула свои чары на остальных юношей. В основном для того, чтобы подразнить или отомстить ему. Многие приняли её заигрывания, и Радо практически пошла по рукам.

Айрис не осуждала подругу, но и не следовала её примеру. Она считала, что мужчина в жизни должен быть один и навсегда.

Но однажды случилось то, чего меньше всего ожидали.

Вечер опускался на лес, угасающие угли костра бросали последние отблески на землю. Охотники всё не возвращались, и постепенно сон начал одолевать девушек, сидевших у остывающего пламени. Их покой был внезапно нарушен. Из темноты, словно призраки, возникли они – мокрые от бега и охваченные каким-то диким возбуждением. Их появление, неожиданное и пугающее, заставило сердца девушек замереть.

— Что случилось?! — бросилась им навстречу Айрис.

— Там!.. Там... — воскликнул запыхавшийся Дион, — люди! Их много!

— Наши? — предположила Радо.

Дион яростно помотал головой, раскидывая из общего арсенала оружия копья и ножи.

— Да вооружайтесь же!!! — крикнул он друзьям, — иначе нас перебьют! Тут же! Выйдем на них, отвлечём внимание от стоянки! Дадим бой!

Но на лицах юношей читалась растерянность, если не больше. Они не особо спешили вооружаться.

— А что мы им сделали? — чуть не плача, запричитал Тисс, — земля же – общая, олени – общие! На всех хватит!

Дион схватил его за шиворот и подтянул к себе:

— А ты иди и скажи им это! А? А мы тебя здесь подождём!

— Дион, ну, на самом деле... — поддержал Тисса Вито, — их больше, гораздо больше, там такие матёрые дядьки, они нас на копья, как рыбу, насадят!

— Надо спрятаться! — добавил Конти.

Дион рассвирепел. Он схватил первое, что попало под руку и врезал этим по рёбрам безобидного Конти.

— Трусы!!! С кем я связался?! Арчи! Ну, ты хотя бы!.. Не ты ли хотел у кого-нибудь отбить пещеру?!

Арчи не успел ответить. Невидимый выстрел заставил его вздрогнуть, пошатнуться и закричать от боли: в его теле, почти у самой шеи, торчала стрела.

Радо дико завизжала.

Тотчас из темноты появились незнакомые охотники.

Племя Диона бросилось врассыпную.

Айрис упала на траву и закрыла лицо руками от страха. Будто во сне, она слышала какую-то возню, топот и обрывки фраз.

Когда она открыла глаза, незнакомцы при свете костра перебирали остатки оружия и осматривали шкуры.

— Да нечего тут брать, Брис, это обычные нищebroды! — произнёс один из охотников.

— Разберусь!.. — проворчал тот, которого называли Брисом.

Стоящий неподалёку высокий охотник средних лет бросил взгляд на Айрис.

— Ты почему не побежала с ними? — улыбнувшись уголкем рта, спросил он.

— Страшно стало, — честно ответила Айрис.

Незнакомец посмотрел на неё, подумал и протянул большую сильную ладонь.

— Вставай, с нами пойдёшь!

— Зачем она тебе, Хито?! — засмеялся кто-то...

Только темнота позволила им оторваться от преследователей.

Но найти друг друга и собраться вместе друзьям удалось только к полудню следующего дня.

Ещё полдня потратили на поиски Айрис. Ни её, ни её тела обнаружить так и не удалось.

Тело Арчи нашли совместными усилиями. Он лежал в зарослях, на боку, поджав под себя ноги. Будто спал.

Каждый сказал ему на прощание что-то своё. Голову Арчи накрыли шкурой и прикопали. Радо, растирая слёзы и сопли по всему лицу, тихо ныла.

— Что будем делать? — спросил Диона Вито.

Дион размышлял. Потом оглядел друзей и ответил:

— Бывают такие ситуации, когда вождь не имеет права требовать и приказывать. Когда каждый должен принять решение... своё, для себя... — он помолчал. — И я спрашиваю вас, друзья мои, готовы ли вы сражаться?

Ответить отрицательно – значит оказаться полным ничтожеством в глазах других. Каждый понимал это. Никто не жаждал идти на верную смерть, но все молчали.

Наконец молчание нарушила Радо. Она всё ещё не теряла надежды.

— Я с тобой, Дион!

— И я! — солидно произнёс Олби.

Дион ждал.

Тисс, Конти и Вито прятали глаза, боясь встретиться с Дионом взглядом. Он всё понял без слов.

— Возвращайтесь в племя к старому болвану Урри. Я не держу на вас зла, — улыбнулся Дион.

Вряд ли друзей кто-то мог поджидать на их ристалище, но Дион приказал глядеть в оба.

Их встретили угли и зола вчерашнего костра, разбросанные остатки оружия и шкур. Но переночевали по привычке там же.

Рано утром Олби взвалил на себя всё, что мог, из оружия, Радо – шкуры.

— Куда двинемся? — спросил Олби.

— Сначала подальше от этого места: когда-нибудь они могут заглянуть сюда снова, — ответил Дион. — Пойдём вниз к реке, а там посмотрим.

Они шли долго. Олби пыхтел, но мужественно молчал. Он ждал, когда первой сдастся Радо.

Наконец Радо захныкала:

— Дион, давай присядем, я очень устала!

Он был не против. Но Олби ликовал напрасно.

— Олби, друг, пока Радо отдыхает, метнёмся – добудем что-нибудь съестное.

Олби начал жалеть, что не ушёл с друзьями обратно, в племя Урри.

Но им повезло: на небольшой полянке пасла свой выводок неуклюжая зайчиха. Опасаясь за детей, она не торопилась сбегать, а притаилась в густой траве и ждала. Взяли всех.

Мясом на первое время они были обеспечены. На радостях Дион предложил сделать небольшую временную стоянку и занялся разведением огня.

Олби возился с зайчатинной и посматривал на Радо, на её грудь, широкие загорелые бёдра. Сейчас ему уже не хотелось к друзьям: молодая кровь подогревала плотские желания. Он понимал, что Дион равнодушен к девушке, и от этой мысли всё его нутро ликовало.

— Я всё равно хочу отомстить. Хотя бы за Арчи, — произнёс Дион. — Мы придём в себя, подыщем надёжное местечко и будем ждать. Наше время придёт. Будем просто жить, охотиться, рыбачить, рыть землянки и ждать. И в один прекрасный день мы обязательно встретимся!..

Лицо Диона было перекошено от злобы и ненависти.

Олби стало не по себе.

— Их же много, целое племя, как ты собираешься мстить им?

Дион усмехнулся.

— Сила и количество – это не главное, Олби! Мы превратимся в невидимых ядовитых змей, крадущихся в траве. Мы будем жалить, убивая ядом, и отступать, чтобы атаковать снова и снова!

Полноватому неуклюжему Олби сложно было представить себя крадущейся змеей. Но спорить он не стал. Втайне он надеялся, что Дион остынет и забросит свою идею.

Об этом думала и Радо. Ей хотелось простого женского счастья: костра в пещере, нежного тёплого младенца на руках, любимого мужчину, сидящего рядом... Но никак не боевых действий.

На следующий день друзья были у реки.

Её воды были настолько чисты, что на дне отчетливо просматривался каждый камешек, каждая былинка травы. Среди них стремительно мелькали серебристые стайки рыбы, словно живые самоцветы, играющие в солнечных бликах. Прохладное течение маняще шептало, обещая одарить путников свежестью и подарить мгновения покоя.

— Давай не будем уходить далеко! — попросила Радо Диона. — Смотри, какая благодать! Наверное, сюда олени сами спускаются к водопою: охотиться не придётся.

— На водопой спускаются не только олени, — загадочно ответил Дион. — Мы пойдём дальше вдоль реки, а потом поднимемся на пригорок, осмотримся и решим.

Так и сделали.

Когда поднялись на небольшую возвышенность и осмотрелись, не сговариваясь, поняли, что лучше места для новой стоянки не найти.

Издали их лагерь заметить вообще было невозможно.

Парни вырыли продолговатую землянку с несколькими выходами, замаскировали её сверху дёрном, а внутри густо обложили мягкими ветками и душистой травой. Костёр жгли неподалёку, в небольшом углублении, для того чтобы пламя не просматривалось издали.

В двух шагах от землянки сразу начинался густой смешанный лес, полный зверья. Ещё он давал шанс быстро исчезнуть в случае опасности.

Радо уставала. Если раньше в племени Урри у женщин и девушек было разделение обязанностей, то сейчас всю женскую работу ей приходилось делать одной. Злилась она и на Айрис. Радо считала, что подруга просто трусливо сбежала обратно в племя. Целыми днями девушка занималась разделкой мяса и рыбы, выделкой шкур и прочими делами.

С некоторых пор прибавилась ещё одна проблема на её голову: когда Дион в гордом одиночестве куда-то уходил, оставляя Олби с ней наедине, толстяк Олби тут же начинал домогаться её... Ей было стыдно жаловаться Диону на Олби, и она терпеливо помалкивала.

Но всё равно, несмотря ни на что, у них было самое настоящее маленькое и гордое племя, и мысли об этом прибавляли сил.

Дни проходили за днями, луны сменяли новые луны.

Дион уходил надолго не просто так. Он, конечно же, охотился, и охотился удачно, набираясь опыта. Но ещё он жил надеждой на встречу с чужаками. Не то чтобы он жаждал сражения с ними, но ему хотелось увидеть охотников издали и отследить их путь до самой их стоянки. Хотя один на один он готов был сразиться с любым встречным.

Тяжёлый, вечно устающий Олби был ему в тягость, и Дион предлагал ему охотиться в ближайших перелесках.

По довольной физиономии друга и растрёпанным волосам Радо он догадывался об их отношениях, но ему было неприятно об этом думать и тем более представлять...

Часть первая

Глава первая.

Как только солнце прикоснулось своим краем к горизонту, вождь подал знак. Охотники были неимоверно уставшими, поэтому Прус не надеялся, что взмах его длани будет замечен всеми. Он издал глухой рык, подобный рыку саблезубого тигра, у которого пытались отнять добычу.

Племя обратило свой взор на Пруса. Нутром все и сами понимали, что пора в пещеру, но команда вождя была в приоритете.

Прус знал, что от того момента, когда небесное светило совсем скроется из глаз, ещё достаточное время будет относительно светло, поэтому блудить по темноте особо им не придётся. Он осмотрелся. До пещеры вели два пути: через густой перелесок и чуть длиннее – немного вправо, по ложине.

Прус оглядел охотников. Огромный бугай Эмерс и поджарый коротконогий силач Ромус тащили на связанных жердях полуживого детёныша оленя. Как охотники Эмерс и Ромус были так себе, но как основная тяговая сила – цены им не было. Рядом, с копьями на уставших плечах, брели молодые зверобои, украдкой, но гордо поглядывая на свою добычу. Два опытных охотника, тащили травмированного загонщика Хито, обхватив того за плечи. Было видно, что они уже прилично устали, но старались не подавать виду. Время от времени их сменяли другие охотники. У Хито был перелом ноги: не рассчитав свою скорость он по инерции влетел в овраг вслед за оленёнком...

«Пойдём через перелесок, так будет быстрее, — принял решение Прус, — вон как устали, бедолаги!»

Он кивнул заросшим седой паклей подбородком в сторону зарослей и первым двинулся вперёд.

Среди деревьев стало смеркаться намного быстрее, чем на открытом пространстве. Охотники, спотыкаясь о корни, не сговариваясь, злобно заворчали, и Прус прикрикнул на них.

«Успеем!» — решительно подумал вождь.

Чтобы как-то отвлечься, он представил женщин своего племени, ожидающих их в пещере. Весело мелькают языки вечернего костра, вокруг с визгом носятся ребятишки. Женщины заняты своим делом, с тревогой поглядывая на проём входа в пещеру...

Прус знал, что еды в пещере ещё хватало. Даже если бы они вернулись с пустыми руками, племя не умерло бы с голода. Но когда это было – чтобы охотники возвращались к своей семье ни с чем. Мысленно разделявая добычу, Прус почти чувствовал сочный сладковатый вкус свежего мяса на своих губах. Ещё немного...

Внезапно до его слуха донёсся какой-то посторонний звук. Прус замер, прислушался и поднял руку вверх. Это был не их звук. Охотники тяжело дышали, постанывал Хито, скрипели под ногами сухие ветки. Тотчас все остальные тоже замерли, вопросительно уставясь в сторону вождя.

«Уииип» ... «уиип» ...

— Гиены! — прохрипел вождь. Скорее для себя, как подтверждение.

Охотники сгрудились кучнее и, озираясь по сторонам, бросали вопросительные взгляды на Пруса.

Гиена в единственном числе, даже в паре, не была страшна. Но если это была стая, они были смертельно опасны. Даже не своим количеством, а своим пониманием, что их больше, что они сильнее, что они – стая. Этого и боялся вождь. А с ним вместе боялись его спутники.

«Уииип» ... — повторилось снова, но немного в другой стороне.

«Окружают!» — зло предположил Прус, вертя головой по сторонам.

Следом за «уииип» все вдруг услышали мерзкое хихиканье. Так ехидно и жестоко могли хихикать только уверенные в себе гиены.

Вождь присел и, не отрывая взора от кустов, нащупал под ногами увесистую рогатину. Охотники уже стояли плотной группой, плечом к плечу, готовые принять бой. Откуда покажутся гиены было не понятно. Их щетинистые сгорбленные спины в доли секунды могли вынырнуть из-за любого кустарника.

Рядом тяжело посапывал Хито. Он стоял, прислонившись к дереву, поджав покалеченную ногу.

«Кровь! — осенило Пруса, — они пришли на запах крови!»

Перелом у Хито был закрытый, но падая в овраг, он весь исцарапался до рваных швов на плечах и спине.

В полумраке бесшумно возникали гиены. По две, по три, будто прикидывая, сколько им нужно сил, чтобы одолеть людей. Их было не меньше полутора десятков.

«Отбиться можно, — решил Прус, — но всё равно порвут сильно, несколько человек загрызут насмерть, если завалят и доберутся до горла, остальных искусают до кости».

— Надо было в обход идти! — прошипел где-то голос Бриса, опытного матёрого охотника. Брис часто спорил с вождём, и вечно был всем недоволен. Вот и сейчас он злорадно ликовал над промахом Пруса.

Прус пропустил его слова мимо ушей. Пока он вождь, всё будет так, как скажет он.

И сейчас, в эти мгновения перед опасностью, он тоже принял решение.

Да, оно было жестоким, даже безжалостным. Но оно было единственно правильным. Это вождь знал точно.

Гиены приближались. Уже были видны их мелькающие, влажные от возбуждения, зрачки.

«Я всё сделаю сам!» — решил Прус, опуская рогатину на землю.

Стараясь не делать резких движений, он немного попятился к дереву, у которого стоял испуганный Хито. Небрежно, но очень уверенно он обхватил жилистую руку охотника у локтя. Прямо перед собой он видел лицо Хито, его бегающие глаза. В них был ужас и мольба.

«Прости!» — одними губами беззвучно прошептал Прус. Он резко дёрнул руку Хито на себя. Тот потерял равновесие и начал заваливаться набок. Прус с усилием подхватил его за подмышку и, быстро оперевшись ногой в его разодранную спину, толкнул в сторону хищников.

Хито рухнул молча.

Гиены буквально на лету рвали его на части.

Охотникам не надо было подавать какой-то команды. Все дружно, пятась задом, всё ещё держа перед собой копыя и дубины отступили назад...

К пещере подошли, наверное, раньше, чем в перелеске голодные хищники закончили свою трапезу.

Радостные соплеменники высыпали навстречу. Несколько опытных женщин подхватили жерди с добычей и тут же у пещеры, при свете луны занялись разделкой тушки молодого оленя.

Мрачные лица охотников приняли как усталость, пока к вождю не подошла Айрис, девушка Хито.

Перед этим она обошла каждого из пришедших, вопросительно заглядывая им в глаза.

— Хито... где мой Хито? — дрогнувшим голосом спросила она Пруса, не отрывая от него глаз.

— Погиб, — сухо ответил вождь и приобнял Айрис за плечи, — ты можешь гордиться им, он пал как герой, как настоящий мужчина!

Айрис холодно убрала руки Пруса. Она всё ещё смотрела ему в глаза, но её взгляд стал каким-то пустым.

Прус вздохнул и пошёл на своё законное место к костру.

Остаток вечера прошёл в молчании. Лишь изредка женщины успокаивали неугомонную малышку и переговаривались по своим хозяйственным делам. Правда от взора Пруса не ускользнул момент, когда рядом с Айрис в дальнем углу пещеры он увидел Бриса. Тот, с той же неизменно саркастичной полуулыбкой, больше похожей на оскал, что-то говорил девушке, при этом поглядывая на вождя...

Рано утром вождя нашли с проломленной головой. Там же, где он обычно и спал. Орудие убийства – окровавленный зубчатый валун лежал рядом.

В самом дальнем и тёмном углу пещеры, вжавшись в стену, сидела Айрис и беззвучно выла, растирая слёзы окровавленными руками.

Глава вторая

В племени царил хаос. Все, включая подростков и детей, были страшно возбуждены ночным происшествием.

Самым ужасным в этой истории было то, что сейчас в семействе отсутствовал человек, к которому можно было бы обратиться за советом. Он присутствовал, но его бездыханное тело, накрытое шкурой, уже никак не могло реагировать на происходящее.

Как правило правопреемником вождя становился его наследник. Если, конечно, он был достоин этого. Но Прус был одинок.

Когда-то у него был сын – почти взрослый юноша. Но много лун назад он ушёл в одиночку на дальнюю реку за омулем и пропал. Племя и сам Прус приняли это как решение богов, а богам виднее. Других детей у вождя не было.

Брис, долго молчаливо наблюдавший со стороны за суетой соплеменников, наконец лениво приподнялся и вышел на середину пещеры, к тлеющим головешкам костра.

Тотчас все замолчали и уставились на него.

— Надо похоронить вождя, — произнёс он низким хриплым басом. Получилось как-то и скорбно, и властно одновременно.

— И без тебя понятно! — подал голос охотник Тепан и оглядел остальных в поисках поддержки. Но все почему-то молчали и по-прежнему смотрели на Бриса.

Брис, оценив ситуацию, выпрямился, из-под бровей посмотрел на Тепана и злобно сплюнул под ноги.

— Надо похоронить вождя, — повторил он, — а потом будем решать, что делать с этой... — Брис кивнул в сторону Айрис.

Айрис сидела как идол, без движения, уставившись в одну точку. Она была бледна, всклокочена, на лице так и остались следы чужой засохшей крови.

Кивком головы Брис указал, кто именно должен вынести тело Пруса из пещеры. Четверо парней беспрекословно подчинились ему.

Проводив их до выхода, Брис вернулся. Он решил, что там справятся и без его участия...

— Никто же не против, что вождём буду я?! — внезапно громко спросил он, возвращаясь на своё место у кострища. Он посмотрел по сторонам, потом пристально – на Тепана. Тот опустил глаза, не выдержав взгляда. Брис на глазах у всех неожиданно изменился: он стал как

будто выше ростом и плотнее телом. — Убийцу вождя я предлагаю бросить в пропасть, — произнёс он. Это прозвучало тихо, но как-то жутковато.

— Не годится, — вдруг раздался чей-то старческий голос.

Брис вздрогнул, потом приложил ладонь ко лбу и всмотрелся в темень пещеры.

— Дядя Порфи, ты, что ли?!

— Ну, я.

Из сумрака возникла сгорбленная фигура старика Порфи. Он шёл, тяжело опираясь на клюку. В своей выдавшей виды выцветшей шкуре и с растрёпанной сединой по бокам черепа он был похож на старую сову.

Брис сложил на груди руки и молча ждал.

Порфи не торопился. Он подошёл ближе к свету, льющемуся из зева пещеры, присмотрел себе удобный камень, присел и начал:

— И во времена моего деда, и во времена деда моего деда не было такого, чтоб за всякую провинность соплеменника наказывать таким образом. Но провинность провинности рознь. А то, что случилось ... это уж беспредельно как-то! — Порфи сделал паузу и оглядел слушателей. Видимо, ему понравилось новое слово, и он повторил его: — Беспредельно! Вождя — да по голове, да камнем... м-да... Так вот что я скажу... просто бросить девицу в пропасть — слишком лёгкое наказание для неё! Она не просто убила человека, она посягнула на наши устои, наши традиции, наш уклад! — для подтверждения значимости своих слов старик поднял вверх свой костлявый палец.

— Как это — «слишком лёгкое», дядя Порфи? — не понял Брис. — В пропасть! Да от неё ничего не останется! А если и останется, то тут же звери-птицы растащат! Куда уж страшнее?

Порфи прищурился и искоса посмотрел на Бриса.

— Вот бросил ты её в пропасть, Брис, вот полетела она... вот долетела, упала на острые камни... раз — и умерла! И всё. Ни тебе мук, ни страданий, ни сожаления за содеянное!

— Ну да! — неохотно согласился Брис.

— А если такое наказание ей определить, чтоб каждый прожитый день стал для неё мукой невыносимой, и чтобы каждый момент своей жизни она только и мечтала о быстрой смерти!..

Тут уж всё племя затихло окончательно, замерло; тишина стояла такая, что было слышно сопение младенца в куче сухой травы.

— Говори, дядя Порфи! Племя тебя слушает! — торжественно объявил Брис.

— Надо просто отпустить её! — простодушно сказал Порфи.

Брис молчал. Молчали и все, непонимающе переглядываясь. Племя ждало от старика какого-то продолжения, какого-то объяснения его фразы. И Порфи, насладившись немалой интригой, наконец продолжил:

— Изгнание из племени — это самое страшное наказание для человека! Разве есть страх более ужасный, чем страх одиночества? Осознание того, что в этом огромном мире ты один! Никто не протянет тебе руку, никто не скажет тебе слова и не улыбнётся! А если и встретится кто — шарахнется от тебя, как от зверя лютого, ибо ты и был им, зверь в человеческом облике! Мужчина, воин, сильный и выносливый, возможно, и выживет какое-то время в одиночестве, если не сойдёт с ума. Но юная дева не протянет и нескольких дней. Либо от голода, либо от когтей и клыков хищных — а то и от того и другого будет умирать медленной смертью, позабытая, позаброшенная!

Порфи был убедителен.

А Брис гордо смотрел вокруг, как бы обозначая свою немалую причастность к мудрой речи старика, будто это он и сам знал, но только выразить не мог так, как Порфи.

Айрис провожали всем племенем – криками, визгом и дикими прыжками. Мужчины даже взяли в руки копья и размахивали ими, словно она была каким-то невиданным монстром, готовым порвать каждого, кто к ней приблизится.

Айрис, низко ссутулившись, вышла из пещеры. Племя остановилось и затихло, будто дальше находилось какое-то невидимое препятствие. Стоящие впереди смотрели ей вслед, следя за каждым движением. Те, кто стоял сзади, выглядывали из-за голов и спин впереди стоящих, боясь пропустить важность момента.

Айрис не всегда была частью этого племени.

Несколько лун назад охотники вступили в схватку с небольшим отрядом чужаков, нагло вторгшимся на их территорию. Незваных гостей с позором прогнали, добивать не стали. Но все их запасы и кое-что из оружия в знак победы прихватили с собой.

Там же, у одной из землянок, Хито увидел девушку, которую посчитал своей пленницей и притащил со связанными руками в свою пещеру.

Айрис была здоровой, молчаливой и работающей, поэтому мало кто был против странного решения Хито.

Несколько мужчин племени глубокой ночью пробовали предъявить права на её тело, но были жестоко биты Хито.

Постепенно и Айрис сама привязалась к высокому красивому охотнику и ходила за своим господином как тень.

Сам Хито к девушке относился как отец или старший брат, не более того.

Возможно, этот факт тоже как-то косвенно повлиял на решение Айрис убить вождя. Вождь отнял у неё прежнюю семью, а теперь ещё и человека, который стал ей так близок.

А может быть, это был просто спонтанный эмоциональный порыв, с которым она была не в силах совладать.

Глава третья

Айрис не понимала, что происходит вокруг.

По небу так же плыли равнодушные облака, нещадно палило полуденное светило, и где-то в зарослях кричали неугомонные птицы.

Но мир ей казался уже совершенно иным: чуждым, страшным, непонятным. Она брела, не глядя себе под ноги, куда-то вдаль безо всякой цели. Прошла перелесок, потом поле, овраги и хлюпающую топь, перешла вброд холодный ручей... Шла и шла, безо всякой усталости, пока солнце полностью не исчезло за горизонтом.

И тут она наконец почувствовала усталость.

Айрис огляделась, насколько позволяли сумерки: пустота до самого горизонта, мрачная и пугающая.

«Я дышу, я вижу и слышу, — мелькнула вдруг в голове девушки спасительная мысль, — значит я жива и меня ещё никто не сожрал».

От этой мысли стало легче. Даже половина усталости куда-то странным образом улетила. Но идти дальше в полную темноту смысла не было.

Внезапно Айрис приняла решение и, быстро обернувшись, поспешила назад, боясь потерять драгоценное время.

Вот он, ручей, который она перешла совсем недавно. Она ещё издали услышала его шум. Быстрое течение, скользящее по блестящим отшлифованным камням, казалось живым и поэтому каким-то родным.

— Привет, ручей! — крикнула девушка и впервые за день вздохнула с облегчением. Ручей ответил ей весёлым журчанием. — Ты представляешь, я настолько никому не нужна, что даже хищные звери не нападают на меня! — она засмеялась своей шутке.

Царапая ноги мелкой галькой, Айрис сбежала к воде. Присела на корточки и долго, до ломоты в зубах, пила леденящую воду, черпая её пригоршнями. Потом встала, огляделась и снова поднялась вверх по покатому склону.

«Останусь тут!» — решила она.

Айрис присмотрела небольшое углубление в земле, накидала туда охапки мягкой травы, потом из веток соорудила нечто похожее на крышу. Отряхнувшись и удовлетворённо оглядев своё пристанище, она влезла внутрь, свернулась калачиком и забылась долгим безмятежным сном.

Разбудил её голод. В животе урчало, немного кружилась голова.

Айрис приоткрыла глаза и долго непонимающе смотрела на, пробивавшиеся сквозь ветви нити первых лучей восходящего солнца. Звук ручья окончательно вернул ей память.

Она выбралась из укрытия и снова спустилась вниз, к этому спасительному ручью. Оросила лицо влагой и глотнула воды, пытаясь хоть на какое-то время обмануть желудок. Попутно она всматривалась в течение, силясь рассмотреть в нём какую-нибудь ленивую рыбёшку. Рыбы действительно изредка мелькали серебристыми спинами, но изловить их было делом долгим и трудоёмким. Айрис решила оставить это на потом и поднялась к зарослям, в поисках ягод.

Кусты малины возникли перед ней неожиданно, как сладкая награда за пережитое. Айрис чуть было не прошла мимо кустарника, уставившись взглядом в заросли травы, но запах малиника нельзя было спутать ни с чем. Такому завтраку можно было только позавидовать.

Малины было предостаточно, кормиться ею можно было несколько дней. И там, где Айрис обрывала спелые ягоды, на ветвях кустарника уже проглядывали новые дерзкие плоды.

Однако надо было как-то разнообразить свой рацион, и девушка занялась поиском прочного и гибкого прута. Когда что-то подобное было найдено, она вновь спустилась к ручью, подобрала камень поувесистее и заострила свой прут, превратив его в нечто похожее на копьё.

Айрис вошла в воду до самой середины ручья. Течение местами было настолько сильным, что она еле могла держаться на ногах. Найдя более-менее прочное место для своих ступней, она приподняла своё оружие и стала всматриваться в воду.

Рыбина поддалась ей только с пятой попытки. Острие так удачно вошло в её тушку, что Айрис донесла добычу до самого берега, даже не пытаясь придерживать её руками.

Обед был что надо. Рыба оказалась настолько вкусной и сытной, что Айрис даже подумала: а не наловить ли впрок, да повесить на солнце вялиться?

Однако чувство насыщения и накопленные переживания сморили её. Айрис лениво заползла в своё временное пристанище и сладко задремала.

Пробудило её чьё-то отдалённое рычание. Она распахнула глаза и прислушалась, боясь пошевелиться. Рычание немедленно повторилось. За ним Айрис расслышала что-то вроде повизгивания, которое она уже не посчитала опасным. Но того низкого, почти утробного рычания сложно было не испугаться.

Айрис не собиралась оставаться в неведении и выглянула из-под веток: никого. Тогда она, стараясь не трещать сухими сучьями, выбралась полностью из своего укрытия и пошла на звук.

Это была огромных размеров медведица. Она стояла на трёх лапах, четвёртой придерживая ветки с гроздьями малины. Рядом, косолапо переминаясь с ноги на ногу, топтался медвежонок.

Айрис стояла за деревом, понимая, что ветер дует в сторону ручья и медведица не может её учуять. Во всяком случае, пока.

Какой бы вкусной ни была малина, оставаться здесь было опасно. Медведица вернётся сюда не раз, и рано или поздно они встретятся.

Прихватив своё незамысловатое оружие для ловли рыбы, Айрис побрела вдоль ручья. Попутно она смотрела по сторонам в поисках ягодных кустарников или плодовых деревьев.

Ручей, казалось, был бесконечен. Он петлял, делался то шире, становясь степенным и серьёзным, как речка, то узким, вновь обретая шумное проворное течение.

Когда Айрис останавливалась на привал, она высматривала рыбу и входила в воду. Ближе к вечеру ей снова повезло: её копьё настигло прекрасный экземпляр. Рыба была толстой и такой неповоротливой, что девушке вполне можно было обойтись без своего оружия.

Перед заходом солнца она опять выбрала удобное место для ночлега и, поужинав остатками рыбины, провалилась в забытие.

Под утро Айрис приснился сон.

Ручей на её глазах стал полнеть. Вода поднималась по обоим берегам всё выше и выше, Айрис пятилась от него вверх, пока не упёрлась спиной во что-то твёрдое. Она с ужасом обернулась и увидела перед собой оскалившееся лицо Бриса.

— В пропасть! — воскликнул Брис. — В пропасть!

А вода подступала. Ноги Айрис уже ласкали мокрые языки волн. Она пыталась оттолкнуть Бриса, но тот был недвижим, как истукан.

Айрис резко пробудилась. Её ноги были действительно в воде, да и не только ноги. Сверху сыпался противный крупный дождище, наполняя её лёжку холодной грязной жидкостью.

Девушка выбралась из ямы. В полной темноте, водя руками перед собой, она вскарабкалась по слякотной земле выше по склону, нащупала толстое дерево и прислонилась к нему спиной.

Густая крона почти не пропускала дождя, но Айрис уже изрядно промокла и её трясло от холода. Она присела и обхватила свои плечи руками. С пряжей мокрых волос, смешиваясь со слезами, стекали мутные капли.

Айрис очень сильно захотелось в тепло, к костру. Укутаться в сухую тёплую шкуру и смотреть на вылетающие из огня искры.

«Я всё равно выживу! — произнесла она мысленно. — Назло всем! Выживу! Я буду жить!»

Ливень стих.

Когда рассвело, Айрис решила во что бы то ни стало добыть огонь.

Она долго искала подходящие куски древесины и сухую траву, но всё было тщетно: ночной дождь был настолько сильным, что всё в округе надолго осталось сырым и размякшим.

Глава четвёртая

Чтобы согреться, Айрис быстрым шагом, почти бегом, снова пустилась в путь вдоль ручья.

На ходу она придумала себе забаву, одновременно согревающую её и отвлекающую от дурных мыслей: она пела.

Песни рождались тут же, из того, что её окружало.

— Ах, какие стройные деревья! — кричала она что есть мочи. — Ах, какие славные кусты!..

Дыхание сбивалось, Айрис спотыкалась, падала, но тут же резко вставала, не обращая внимания на ушибы, и ещё громче выкрикивала свои песни.

Когда она устала до такой степени, что ноги отказывались повиноваться, она рухнула на чистый островок песка у самой воды, раскинула руки и стала смотреть ввысь.

«Боги, я ваша!» — прошептала еле слышно Айрис. Так тихо, что услышать её могло только небо. «Боги, я в вашей власти, уповаю на волю вашу!» — подумала она и добавила: — Но человек создан для жизни!

Произнеся это, Айрис залилась краской стыда. У вождя тоже не было в ближайших планах оставлять этот мир.

«Прости, прости, прости...» — завывала Айрис, обращаясь к какому-то пушистому седому облаку. — «Прости!..»

Она полежала не шелохнувшись, в каком-то полубессознательном состоянии, затем резко вскочила, умыла лицо, зайдя по щиколотку в ручей, и произнесла вслух:

— Как будет, так будет!..

Она брела дальше.

День заканчивался, но Айрис почему-то не думала о ночлеге.

Она обратила внимание на то, что ручей становился шире и спокойнее. Прибрежные заросли тоже увеличивались в росте, плавно превращаясь в высокий тростник. Иногда она видела животных, спустившихся к водою. Они не удостаивали её вниманием: в этот момент их интересовала только живительная влага.

И вдруг ручей как-то резко раздвинулся вширь и почти замер: он слился с рекой, стал с ней одним целым.

И вот она, река. Она равнодушно катила свои трепетные волны, на которых колыхалась редкая листва и куски веток. Вода была желтовато-мутной после обильного ливня, пенилась и крутила у берегов свои водяные кудри.

Огромный головастый сом с любопытством подплыл к самому берегу и уставился на девушку. Возможно, впервые в своей жизни он видел такое чудо.

Айрис поняла, что своё копьё она потеряла где-то по дороге, но подумала, что такого красавца убивать, наверное, было бы жалко.

— Эй, дядя, позови мне рыбку, да повкуснее! — улыбнулась ему Айрис. Сом что-то ответил широченным ртом на своём рыбьем и удалился.

Айрис огляделась. Она решила заночевать здесь, у дельты, а утром снова тронуться в путь вниз по течению реки.

Неподалёку нашлось поваленное ветром дерево с наполовину торчащими из земли корнями. Айрис сложила на ствол несколько корявых сучьев, накидала на них густые охапки тростника — и получился очень просторный и уютный шалаш. Девушка влезла в него на четвереньках и подумала, что в таком гнёздышке можно было бы пожить и подольше.

Она лежала, рассматривая над собой щербины сломанного ствола, как вдруг её осенило. Щепы были свежими и сухими — достаточными для того, чтобы добыть из них огонь. Осталось только найти что-то очень волокнистое и такое же сухое.

Айрис выползла наружу и пошла по берегу. Конечно, у реки, да после дождя, найти что-то сухое было пустой тратой времени. Но Айрис вспомнила, как в детстве они с девочками и мальчишками добывали яйца в норах на крутом берегу реки. Яйца, ясное дело, в норах лежат не круглый год, но её интересовали не они.

Она пошла вдоль берега и наконец увидела то, что надо: несколько птичьих нор на почти отвесной глиняной стене. Они располагались достаточно высоко, чтобы человек мог до них добраться. Но по этой стене корявыми сухожилиями ветвились корни деревьев, растущих наверху. По ним она и добралась до норок. Сунув руку внутрь, она нащупала мягкую, нежную подстилку вперемешку с пухом. Она выудила всё, что смогла, сложила добычу за пазуху и полезла в следующую нору. Потом ещё в одну.

Стемнело.

Айрис сидела на коленях в своём убежище и энергично тёрла одной щепой канавку другой, лежащей на земле. Рядышком наготове лежал трут из птичьих гнёзд.

Она никогда не занималась этим, но видела, как добывают огонь мужчины в племени. Обычно, чтобы избежать постоянного добывания огня, костёр поддерживали. Но время от времени очередной хранитель огня глубокой ночью засыпал, и костёр гас. Провинившийся соня, получив тумаков от соплеменников, брал кусок можжевельника либо ивы и садился тереть...

Айрис знала, что главное правило в этом процессе – не останавливаться ни на мгновение. Как только замрёшь, вся работа до этого станет напрасной. Пот застилал глаза, одежда стала мешать движениям, стало так жарко, что даже думать о костре было смешно.

Когда мелькание щепы превратилось в одно сплошное расплывчатое пятно, а пальцы рук онемели, показался наконец первый признак огня – лёгкий, робкий дымок. Айрис молниеносным движением метнула трут на щепу и слегка подула в то место. Тут же вспыхнуло крохотное пламя. От счастья Айрис хотелось бросить всё, вскочить и закричать что есть мочи. Но она терпеливо продолжила свои движения, тихонько поддувая огонь, и приговаривала: «Ну, давай, мой хороший, давай, давай!..»

Когда маленький костерок уже весело затрещал у её ног, Айрис обессиленно рухнула на спину. Но потом спохватилась, вынырнула из шалаша и бросилась собирать сучья сухостоя.

Костёр разгорелся так, что пришлось убрать над ним часть крыши шалаша.

Предплечья ныли от усталости, спина болела, но Айрис была счастлива. Костёр придал ей сил; в его свете она отыскала длинный тонкий стебель какого-то кустарника, сломала его и метнулась к реке. Потом резко остановилась, засмеялась и помчалась обратно. Выхватив из костра головешку, снова бросилась вниз, к реке.

Любопытные рыбы собрались на свет огня, как на важное сонмище. Это стоило им потери одного из своих собратьев.

А к полуночи Айрис уже радостно обжигалась рассыпчатой мякотью, наслаждаясь обжаренной в костре рыбиной.

Жизнь уже не казалась такой страшной. Даже одиночество стало ей нравиться.

Спалось почти до полудня.

Птичий гомон уже досаждал, но тело сладко ныло и хотелось лежать без движения ещё и ещё, до следующей ночи...

Айрис потянулась, улыбнулась и, не открывая век, стала вспоминать то, что было вчера. Внезапно улыбка исчезла с её лица, она распахнула глаза и резко вскочила: огонь!

Костёр уснул. Он засыпал долго, в отличие от хозяйки, оберегая и согревая её всю оставшуюся ночь и утро. А потом погас. И тщетно Айрис пыталась отыскать в золе хоть какой-то тлеющий уголёк. Она изо всех сил дула на ещё горячие куски сгоревшей древесины, всё лицо перемазала сажей, но огонь ушёл.

Она рухнула навзничь и отрешённо уставилась в пространство.

«Я глупая!» — подумала она, и ей захотелось произнести это вслух. Но не просто так, а кому-то, для кого-то.

И Айрис представила Хито.

Он невидимо сидел напротив, сцепив свои длинные пальцы на коленях, и улыбался ей.

— Я глупая, Хито! — произнесла она. — Ты представляешь, я не уберегла огонь! Уснула!

Айрис виновато засмеялась.

Потом опустила глаза, надолго задумалась и закрыла лицо ладонями.

Глава пятая

Айрис не строила никаких планов. Она не думала о завтрашнем дне и тем более о том, что с ней будет через луну, через две... Она жила тем, что было сейчас. Если очень хотелось есть, она искала в ближайших зарослях ягоды, плоды или ловила в реке рыбу; если хотела спать – просто находила небольшую уютную ложбинку, сворачивалась в ней калачиком и забывалась долгим сном; если хотела идти – просто шла дальше.

Ей даже стало любопытно: вот тот ручей – он шёл вместе с ней к реке, вот эта река... А куда идёт она? Должна же эта река рано или поздно куда-то прийти. Ведь всё на свете имеет начало и конец. А вдруг там, дальше, есть другая река, ещё больше, полноводнее, и эта река вольётся в неё? А та, большая, потом вольётся уже в просто огромную реку, такую огромную, что в ней даже не видно берегов...

Ещё она думала о людях. Других людях.

Те, которые её изгнали, поступили по законам своего племени; она заслужила это наказание. Но ведь есть другие племена, другие охотники со своими семьями. Если так случится, что она придёт к какому-то племени, примут ли они её? Она же достаточно молода, крепка, смыслена... Вон, даже огонь самой получилось добыть! Она подойдёт к их вождю и скажет: «Прими меня в свою семью, о вождь!»

Айрис вдруг вспомнила свою жизнь в маленьком племени Диона, скитавшемся и промышлявшем по чужим территориям, из которого её полонило племя Хито. Они в страхе разбежались. И, встретившись с ними случайно, вряд ли она захотела бы к ним вернуться... Почему? Кто знает. Она уже не чувствовала себя их частью. Она была частью сердца Хито...

Айрис брела вдоль реки. Уже не раз ночь сменяла день и день сменял ночь...

По пути она высматривала птичьи норы, разоряла их гнёзда. Если в них были яйца – выпивала их, подстилку с пухом аккуратно складывала за пазуху своего одеяния для розжига очередного костра. Ей так хотелось снова испытать это ни с чем не сравнимое чувство достижения своей цели. И хотя на ладонях ещё пузырились мозоли от вчерашнего промысла, она уже присматривалась на ходу к подходящим щепам для трения.

Солнце было в зените. Воздух, несмотря на близость реки, был душным, пот под шкурой бежал тонкими струйками.

Айрис распутала нити сухожилий и стащила с себя одеяние. Свернув шкуру, она закинула её на плечо вместе с накопленной травой и пухом из гнёзд и пошла совершенно обнажённой. Время от времени она заходила в реку, охлаждала тело и шла дальше...

Гиены появились неожиданно. Скорее, неожиданностью стал для них человек, невесть откуда появившийся.

Это была пара молодых особей, резвившихся на берегу. Возможно, у них был брачный период. Самец встал как вкопанный и уставился на девушку. Самка проследила за его взглядом и тоже замерла.

Айрис остановилась в оцепенении. Она не знала, что делать и как себя вести, и поэтому просто ждала.

Внезапно самка взвизгнула, будто подав какой-то сигнал. И тут Айрис увидела остальных животных. Они лениво дремали в тени чуть поодаль от берега. На звук голоса молодой самки стоя приподнялась и стала наблюдать за человеком.

Сражаться с ними, тем более в одиночку, было бессмысленно. Идти вперёд – значит обозначить посягательство на их территорию. Отступить – значит стать жертвой, которую они начнут преследовать и, конечно же, в несколько прыжков настигнут.

И Айрис сделала шаг влево, к воде. Гиены ждали. Тогда она сделала сразу два шага в сторону реки. Гиены пригнули головы и, не отрывая от девушки взгляда, медленно двинулись в её сторону. Она, также медленно перебирая ногами, без резких движений подходила к воде.

Вдруг какая-то молодая гиена нетерпеливо подскочила на месте и, оскалив белые тонкие клыки, бросилась вперёд. Тотчас и остальные последовали её примеру.

И Айрис метнулась к воде так быстро, насколько могла.

Боковым зрением она увидела, что уже через секунду зубы гиены вцепятся в её икры, и тогда, не раздумывая, она резко швырнула в ближайшего хищника свою свёрнутую шкуру.

Этого было достаточно, чтобы выиграть время.

Она всем телом, с кучей брызг, бросилась в воду и, изо всех сил работая руками и ногами, стала отрываться от хищников.

Плавала Айрис не очень хорошо, но инстинкт самосохранения и выносливость делали своё дело.

Уже через несколько взмахов она поняла, что спасена: гиены не преследовали её. Айрис легла на воду и посмотрела на берег. Гиены остервенело рвали её шкуру на мелкие части – то ли потому, что считали её частью человеческой плоти, то ли от злости и бессилия.

До другого берега было далеко, но Айрис понимала, что это и есть её спасение, её единственный шанс.

И она стала барахтаться в сторону дальнего берега. Уже на середине реки она поняла, что паниковать не стоит, как не стоит делать много лишних движений. Река приняла её, река помогала ей, отвергая жертвоприношение. Тело девушки, не обременённое одеянием, легко скользило по поверхности. Айрис плавно и медленно, будто плавниками, перебирала ногами, отгребала перед собой воду и, на удивление самой себе, продвигалась вперёд...

Когда ноги коснулись прибрежного песка под водой, Айрис, прежде чем выйти на сушу, оглянулась: гиены так и стояли на том берегу, пожирая её глазами.

Она присела на горячий от солнца песок, отжала волосы и проговорила:

— Вот я и плавать научилась! Представляешь, Хито?! Я умею плавать!

Без шкуры было как-то неуютно. Айрис связала тонкой лианой несколько широких листьев папоротника – получилась неплохая замена её старой одежде.

«Зато быстро и легко!» — ободрила себя девушка.

Она посидела немного на высоком прибрежном холме, любуясь новыми видами реки, поела кислых ягод, найденных в траве, и решила подумать о ночлеге и костре.

Этот берег был более пологим и на нём не было обрывистых глиняных стен с птичьими норами. Зато Айрис обнаружила очень много сухого мха – нежного, будто специально созданного для трута. Подыскать древесину для трения было уже не так сложно.

Она присмотрела место для ночлега, заранее приготовила сухие ветки для костра и села тереть щепу. Благодаря уверенности и небольшому опыту огонь получилось добыть даже быстрее, чем в первый раз.

Но Айрис всё равно была рада огню. Она посидела немного, любуясь языками пламени, потом погрозила костру пальцем и пошла за новой порцией сушняка.

Затем она решила снова сделать себе шикарный ужин: нашла приличный острый прут и спустилась к воде. Рыба затаилась. Тогда Айрис вернулась к костру, выбрала ветку с лёгким пламенем на конце и снова пошла к реке.

Опускались сумерки. Огонёк не мог не привлечь разомлевших рыб, и Айрис с третьей попытки удалось нанизать на прут бьющую хвостом серебристую тушку. Она решила на этом не останавливаться. Отшвырнув рыбу на берег, она снова стала вглядываться в воду, одной рукой придерживая наготове своё копьё, а другой помахивая горячей веткой.

И тут она услышала какой-то хруст.

Айрис вздрогнула и от неожиданности макнула горящую ветку в воду. Она обернулась и прислушалась. Тишина. Только поодаль слегка потрескивал костёр и стрекотали насекомые.

Ей стало неуютно.

Этого звука больше не было, но Айрис понимала: это был хруст сухой сломанной ветки под чьей-то тяжёлой конечностью.

Выходить на берег было страшновато. Остаться в воде на всю ночь тоже не хотелось.

«Это не гиены, точно, — рассудила Айрис, — и это не медведь... Медведь бы наделал столько шума... Это кто-то очень осторожный...»

Стоять всю ночь по колено в воде не хотелось. Но выходить на берег — значит подвергнуть себя опасности. Айрис посмотрела на ветку, зажатую в руке: это была уже мокрая, обугленная и бесполезная палка. Она отшвырнула её, приподняла заострённый прут повыше и медленно, стараясь не издавать лишних звуков, вышла из воды.

Костёр весело трещал и уже требовал новой порции корма. Айрис старалась не смотреть на огонь, чтобы не быть ослеплённой, а, наоборот, повернулась к нему спиной и, не опуская копья, стала всматриваться в темноту.

«Зверь боится огня, — успокаивала себя девушка, — он не нападёт на меня, если я у костра!»

Глава шестая

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.